

Отчим Сяо Фэна, Лю Гоуцзы, отличался нравом суровым и тяжелым. Он не позволял пасынку даже минуты передышки, нагружая его работой сверх всякой меры.

Раньше Чжао-гэр частенько сталкивался с мальчиком в лесу, когда тот собирал хворост; так, слово за словом, они и сдружились. Мальчуган трудился за двоих взрослых мужчин, но его опекун, будучи не только строгим, но и до крайности скупым, лишал подопечного не только детских забав, но и нормальной еды. Дикие плоды в окрестностях деревни давно обобрала местная детвора, поэтому, когда голод становился совсем нестерпимым, Сяо Фэн отваживался уходить в самую глушь.

Непроходимые лесные чащи таили в себе немало опасностей: туда не решались соваться даже взрослые, не то что дети. Но человек, доведенный до отчаяния пустой утробой, готов рискнуть собственной жизнью ради горсти еды. В глубине гор съестного хватало, и ребенок, забираясь туда, нередко делился лесными дарами с Чжао-гэром и Гуай-цзаем.

Гуай-цзай тоже любил этого молчаливого паренька. Как-то раз он даже прибежал к его дому, надеясь поиграть вместе, но Лю Гоуцзы, заметив незваного гостя, несколько раз прогнал его метлой. После этого малыш больше не решался подходить к их порогу.

Сяо Фэн, вечно занятый делом и одетый в лохмотья, к тому же не будучи уроженцем этой деревни, сторонился людей, опасаясь косых взглядов. С Чжао-гэром их связывали добрые отношения, но с тех пор, как тот сошелся с Фан Цзычэнем, они почти не виделись — мальчик никогда бы не посмел навязаться сам.

Сейчас Сяо Фэн стоял, понутив голову, и едва слышно пробормотал:

— Дядя Фан... сегодня... дал мне я-яйцо.

Получив такое угощение, он не мог оставить это просто так. Он не принадлежал к числу тех, кто быстро забывает добро. Овощи с хозяйского огорода он брать не смел, да и своего имущества у него не было. Поразмыслив, он решил, что лучшей благодарностью станет охапка добрых дров, принесенная из леса.

В крестьянском хозяйстве без хвороста — никуда.

Поняв, в чем дело, Чжао-гэр тепло улыбнулся:

— Значит, виделся сегодня утром с дядей Фаном?

— Угу!

— Я тут как раз собрался муку молоть, — произнес Чжао-гэр. — Не подсобишь мне немного?

Хворост в деревне особой ценности не имел — лес под боком, бери не хочу. Разве могла вязанка сучьев сравниться с целым яйцом? Сяо Фэн только того и ждал: ему было неловко принимать дары просто так. Мальчик был еще мал, руки — тонкие, кожа да кости, поэтому Чжао-гэр не стал заставлять его толкать тяжелый жернов, а лишь попросил подсыпать зерно в воронку.

Когда с кукурузой было покончено, поспел и рис в котелке. Чжао-гэр наложил полную миску, завернул её в чистые листья и протянул помощнику. Тот поначалу наотрез отказывался, пытаясь улизнуть со двора, но Чжао-гэр вовремя поймал его за рукав:

— Бери. Мне еще не раз понадобится твоя помощь, а если не возьмешь — я и просить тебя больше не посмею.

Сяо Фэн помедлил, а затем осторожно принял сверток:

— С-спасибо, д-дядя Чжао.

— Приходи еще, в следующий раз накормлю тебя паровыми булочками.

За изгородью дома пустовал клочок земли. За годы он успел зарости сорняками, и теперь Чжао-гэр, вооружившись мотыгой, принялся его перекапывать. Почва здесь была скудной, для кукурузы или арахиса не годилась, а вот листовая горчица должна была прижиться. Она была неприхотлива: стоило лишь бросить семена в землю, и они росли сами по себе. В деревне эту зелень недолюбливали за горький вкус, но для засолки она подходила лучше всего. Фан Цзычэнь обожал всё кислое и острое, поэтому его супруг решил: через пару месяцев урожай можно будет замариновать и оставить на зиму.

***

Ближе к вечеру

Вернулся Фан Цзычэнь с Гуай-цзаем на плечах.

Нести узлы с покупками и одновременно держать ребенка на руках было неудобно, поэтому Цзычэнь посадил сына на закорки. Видимо, в нем самом еще не угасло детство: всю дорогу до дома они самозабвенно играли.

Фан Цзычэнь изображал ревущий мотоцикл, а Гуай-цзай — лихого наездника. Вцепившись в уши отца, малыш наклонялся то влево, то вправо, а Цзычэнь послушно менял направление, издавая звуки прибавляемого газа: «Ррр-рр!» Вместо того чтобы идти прямо, он выписывал немислимые зигзаги, так что к деревенской окраине пришел весь в мыле.

От такой бешеной скачки Гуай-цзай был в полном восторге. Он весело хохотал, но радость быстро сменилась маленькой бедой. Стоило Цзычэню перешагнуть порог калитки, как сверху раздался глухой удар.

Малыш приложился лбом прямо о верхнюю перекладину ворот. Стук был таким громким, что Чжао-гэр, работавший в огороде, вздрогнул и отложил мотыгу.

Фан Цзычэнь поспешно спустил сына на землю. Лоб Гуай-цзая мгновенно покраснел — удар и впрямь был сильным. Под красноречивым взглядом Чжао-гэра Цзычэнь почувствовал, как сердце сжимается не то от жалости, не то от чувства вины:

— Сына, ты как? Живой?

У Гуай-цзая искры посыпались из глаз, от боли хотелось расплакаться, но он вовремя вспомнил, что он — настоящий мужчина. А смелые мужчины боли не боятся.

Потерев лобик крохотной ручкой, он поднял голову к отцу:

— Если папа подует, болеть не будет.

Цзычэнь заботливо подул на ушибленное место. Гуай-цзай снова коснулся лба и, будто получив волшебное исцеление, просиял. Со смехом он бросился к Чжао-гэру:

— Папочка, Гуай-цзай поможет тебе работать!

В развороченной земле попадалось много корней сорняков; их нужно было тщательно выбирать, иначе через пару дней огород снова зарастет. С этой задачей малыш справлялся отменно. Время от времени он вытягивал из земли жирных дождевых червей, намереваясь скормить их птице. Маленьким цыплятам они были еще не по зубам, а вот взрослые куры лакомились ими с удовольствием.

Пока Чжао-гэр заканчивал с грядкой, Фан Цзычэнь унес мясо на кухню. Рис уже сварился, и котел был чисто вымыт — оставалось только залить воду и бросить туда разрубленные кости. Бульон из мозговых косточек нужно было томить долго, иначе весь вкус и польза останутся внутри.

В те времена скотину кормили не комбикормом, а обычными помоями да травой, росла она медленно, поэтому кости у свиней были крепкими, словно камень. Цзычэнь раза три ударил обухом ножа, но так и не смог их расколоть.

Грохот на кухне стоял такой, будто там ломали стены. Чжао-гэр, бросив мотыгу, прибежал на шум и застал Цзычэня, свирепо смотрящего на треснувшую разделочную доску.

Заметив супруга, тот возмущенно воскликнул:

— Чжао-гэр, где ты купил эту доску? Она же никуда не годится!

Чжао-гэр: «...»

«Доска толщиной в палец, из доброго дерева, и "никуда не годится"? — недоумевал он. — Судя по тому, какой стоял шум, под рукой Цзычэня развалилась бы даже колода толщиной с голову»

Хоть кости и были зачищены до блеска, на поверхности бульона вскоре заиграли капли жира. Цзычэнь лично проследил, чтобы Гуай-цзай выпил маленькую миску отвара. Оставшись довольным, он потрепал сына по макушке:

— Давай, сына, старайся. Метр восемьдесят — это не мечта, а план.

— Угу! — Костяной отвар оказался на редкость вкусным. Гуай-цзай, не привыкший к изыскам, ел всё, что давали, и теперь, выпятив грудь, гордо заявил: — Гуай-цзай будет очень высоким! Даже выше, чем тот дядя, что тигла победил.

Фан Цзычэнь усмехнулся:

— Ну, это вовсе не обязательно.

Слишком высокий рост тоже может напугать.

Чжао-гэр спросил:

— Ты говорил, что в месяц у тебя три выходных. Два ты уже брал, когда планируешь последний?

Месяц уже подходил к концу. Фан Цзычэнь прикинул:

— Послезавтра. А что такое?

Чжао-гэр задумчиво прикусил кончик палочки для еды, потирая большим пальцем край миски.

— Ты обещал, что в выходной сходишь в ямэнь, чтобы оформить бумаги, — тихо произнес он.

Пока его купчая не была аннулирована, на душе было неспокойно. Только когда Цзычэнь оформит гражданство и впишет его в реестр, они станут по-настоящему единой семьей.

Фан Цзычэнь, не почуяв подвоха, кивнул:

— Точно! А в чем проблема?

— Для этого нужен поручитель, — Чжао-гэр перевел дух. — Принеси завтра с работы пару фунтов мяса, нужно зайти к старосте.

Просить о деле с пустыми руками было не принято, и Цзычэнь это прекрасно понимал:

— Ладно, сделаю.

— Выбирай кусок пожирнее, — напутствовал Чжао-гэр.

Сам Цзычэнь предпочитал постную вырезку, но деревенские жители видели мясо раз в две недели. При готовке они экономили каждую каплю масла, поэтому в рационе катастрофически не хватало жиров. Жирный кусок в деревне ценился превыше всего.

***

На следующий вечер

Фан Цзычэнь, прихватив добрый шмат белого сала, отправился к старосте Хэ Чжи.

Ван Дамэй встретила его с нескрываемой радостью. Самого старосты дома еще не было, так что Цзычэнь немного поболтал с ней, а после зашел проведать старика — отца Хэ Чжи.

В комнате было душно, окна почти не открывались, а поскольку больной здесь и ел, и спал, и справлял нужду, воздух был тяжелым. Фан Цзычэнь почувствовал характерный запах, но и бровью не повел. Старики любят поговорить: Хэ-лаоэ усадил гостя на край кровати и засыпал ворохом пустяковых вопросов.

Цзычэнь был человеком образованным и умел расположить к себе. В прошлой жизни бабушка с дедушкой в нем души не чаяли, вот и сейчас он так искусно развлекал собеседника, что тот расплылся в беззубой улыбке. С тех пор как дед сломал ногу, он пребывал в унынии и ни с кем не желал знаться, а теперь его смех был слышен даже во дворе. Ван Дамэй диву давалась — настоящий талант у парня.

Лишь когда совсем стемнело, староста и Хэ Си вернулись с поля. У Цзычэня от долгой беседы пересохло в горле, да и спертый воздух начал сказываться — к горлу подступила тошнота. Переговорив с Хэ Чжи о деле, он засобиравшись домой.

— Проголодался? — спросил староста.

— Да нет.

— Что же тогда так спешишь?

— Приспичило мне, — ляпнул Фан Цзычэнь. — Просто сил нет терпеть, боюсь не донести.

Хэ Чжи: «...»

***

День поездки в город

Присутственные часы в ямэне начинались в девять утра. В назначенный день староста запряг вола и повез Цзычэня в город. На телеге лежало несколько вязанок дров — нужно было по пути завести покупателю. Фан Цзычэнь устроился сбоку. Его клонило в сон, но телегу так нещадно трясло, что расслабиться не получалось. Сколько бы раз он ни ездил на волах, привыкнуть к этой пытке было невозможно.

«Видать, задница у меня слишком нежная для таких путешествий, — меланхолично подумал он»

Староста всю дорогу заметно нервничал. Хоть он и был главой деревни, с чиновниками виделся редко. Чаще всего ему приходилось иметь дело с рядовыми солдатами, которых присылали во время осеннего сбора налогов, но даже перед ними он робел. Сейчас же он чувствовал себя мелким клерком, идущим на ковер к большому боссу — ладони у него вспотели от волнения.

Простой люд всегда боялся власти.

Видя, что Хэ Чжи вот-вот лишится чувств, Фан Цзычэнь спросил:

— Дядя, вы что, боитесь?

Староста, лениво стегнув вола прутиком, обернулся:

— Есть немного. А тебе разве не боязно?

Цзычэнь покачал головой:

— Ни капельки.

Он искренне не понимал, зачем бояться. Законов он не нарушал, старших уважал, жил по совести — словом, был примерным гражданином с железной выдержкой. Чего пугаться-то? Трястись перед судом должен лишь тот, чья совесть нечиста.

Продав дрова, Хэ Чжи повел спутника к зданию ямэня. Фан Цзычэнь шел небрежной походкой, будто прогуливался по бульвару. Он заранее разузнал, что за оформление документов и реестры отвечает Старина Ван — человек, само имя которого заставляло современных мужей насторожиться.

***

В ямэне

Старина Ван был поглощен делами, когда с порога раздался бодрый голос:

— Старина Ван, зашел тебя проведать!

Фан Цзычэнь, заложив руки за спину, по-хозяйски вошел в кабинет. Увидев его, чиновник просиял.

Хоть его и звали «старинной», Вану было чуть за тридцать — статный, видный мужчина. Он был частым гостем в «Башне Пьяной Ночи», где они с Цзычэнем и сошлись. Юноша умел красиво говорить и мог поддержать беседу на любую тему — от высокой политики до житейских мелочей. Общаться с ним было одно удовольствие, и хотя иногда его речи казались дерзкими, случалось это редко.

— Ты как здесь? — удивился Старина Ван. — Разве сегодня не твоя смена?

— Пришел бумаги оформить, — пояснил Цзычэнь. — Нужно выкупить моего супруга и вписать его в семейный реестр.

— Вот оно что. — Взор чиновника упал на спутника Фан Цзычэня. — А это кто с тобой?

— Наш деревенский староста, — ответил юноша. — В качестве поручителя.

Хэ Чжи стоял ни жив ни мертв:

— Здравия желаю, господин чиновник... — выдавил он.

Старина Ван кивнул, не став углубляться в расспросы.

— Ладно, подожди немного.

Староста не смел и шелохнуться, намереваясь так и простоять столбом до конца дела. Фан Цзычэнь же церемониться не стал: он преспокойно пододвинул стул и уселся напротив Вана с самым безмятежным видом. Собеседник лишь мазнул по нему взглядом, но возражать не стал.

<http://bllate.org/book/15357/1435603>